

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

И. И. Жуковский

ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 04.09.2024 г.
Принята к публикации 25.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-7
© Жуковский И. И., 2024

Распад СССР и ревизия Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений повлекли за собой тектонические изменения в регионе Балтийского моря: оказалось, что еще недавно северный фланг наиболее вероятного театра военных действий между Североатлантическим альянсом и Организацией Варшавского договора имеет историческую возможность превратиться в регион интенсивного политического, экономического, образовательного и культурного взаимодействия — а именно под такими лозунгами развернулось построение новой региональной модели международных отношений рубежа XX и XXI в. В статье изучается эволюция региональной модели международных отношений от «региона согласия» к современному «региону конфликта» через изучение опыта построения и динамику развития региональных кооперационных сетей в условиях общего кризиса мировой системы международных отношений. Исследование опирается на традиции историко-политического анализа регионов как субъектов системы международных отношений, на массив релевантных документов и материалов международных организаций, внешнеполитических ведомств и иных органов государственной власти стран Балтийского региона. В заключительной части реализовано прикладное измерение исследования: сформулирован вывод о необходимости экспертного поиска постконфликтной региональной повестки и представлены предложения по ее возможному содержанию.

Ключевые слова:

Россия, регион Балтийского моря, НАТО, Европейский союз, кооперационные сети, политическая динамика

Исследовательское поле. Постановка проблемы

В исследовании используется понятие «Балтийский регион» в его устоявшемся современном международно-политическом понимании¹. За скобками оставлены довольно интенсивные дискуссии ученых по вопросам различных подходов к сущ-

¹ Регион вокруг Балтийского моря, образуемый странами, состоящими в Совете государств Балтийского моря на начало 2022 г. (без учета стран-наблюдателей).

Для цитирования: Жуковский И. И. Некоторые вопросы эволюции модели современных международных отношений в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2024. Т. 16, №4. С. 145–160.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-7

ности концепта «регион», определению границ Балтийского региона, по основаниям включения тех или иных государств либо территорий в состав Балтийского региона (см. [1; 2]).

Региональная система международных отношений понимается как совокупность специфических взаимодействий между странами региона, в основе которых лежит общая регионально-географическая и политико-экономическая принадлежность. Автор исходит из понимания того, что в Балтийском регионе на рубеже XX и XXI в., равно как и на современном этапе, интенсивность и характер межгосударственного взаимодействия определялись глобальными процессами: преодолением опыта межблокового противостояния (холодной войны) и попыткой построения «глобального мира» на кооперационных началах.

Современная региональная модель международных отношений сформировалась на рубеже XX и XXI в.: распался Союз Советских Социалистических Республик, была распущена Организация Варшавского договора, произошло объединение Германии, на политической карте вновь появились независимые Латвия, Литва, Эстония. Формирование новой модели межгосударственных взаимодействий в регионе опиралось на построение разнообразных кооперационных сетей из общественных организаций и государственных институтов, участие в которых предполагало признание общих целей и использование общих практик взаимодействия на международном уровне. Знаковым событием в этом контексте стала Копенгагенская декларация о создании Совета государств Балтийского моря в 1992 г. в целях усиления сотрудничества и координации между государствами Балтийского моря как «региона согласия»¹.

Автор сформулировал следующую исследовательскую задачу: проследить развитие региональных кооперационных сетей как одного из элементов, определявших динамику модели международных отношений в регионе Балтийского моря на современном этапе. Предмет настоящего исследования — эволюция региональной модели международных отношений, а цель исследования — показать на примере кооперационных сетей переход модели «региона согласия» к «региону конфликта» и обозначить необходимость академической и экспертной дискуссии по формированию постконфликтной региональной повестки. Исследование опирается на традиции историко-политического анализа регионов как субъектов системы международных отношений. В процессе анализа используется массив релевантных документов и материалов региональных организаций, заявления и программные документы внешнеполитических ведомств и иных органов государственной власти стран Балтийского региона.

Опыт исследований региональной модели международных отношений

Радикальная перестройка мировой политической системы начала 1990-х гг. имела одним из своих проявлений формирование и повышение субъектности региональных систем международных отношений как политических систем, отличающихся динамикой взаимодействий внутри своих пространственных и политических границ. Этот процесс потребовал осмысления в теоретических подходах к изучению мировой политики и международных отношений: в исследованиях последнего

¹ Copenhagen Declaration. 1992, *Council of the Baltic Sea States*, 5—6 March 1992, URL: <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/1992-CBSS-1st-Ministerial-Session-Communique.pdf> (дата обращения: 28.07.2024).

десятилетия прошлого века уже появлялся региональный уровень международных отношений как отдельный уровень анализа (см. напр., обзор А. Д. Воскресенского проблематики исследовательских практик и применяемых методов [3]).

Международные процессы в Балтийском регионе стали востребованным объектом изучения в России и странах региона. Исследовательский интерес во многом определялся тем, что региональная модель международных отношений на рубеже XX и XXI вв. стала предметом политического проектирования, выразившегося в интенсивном формировании региональных кооперационных сетей (учреждении региональных организаций межгосударственного характера, создании проектов и инициатив регионального масштаба) в условиях стремительного развития торгово-экономических отношений между странами региона.

Ключевой особенностью региональных кооперационных сетей является то, что они создаются государствами либо при непосредственной поддержке органов государственной власти: сфера деятельности, инструменты и полномочия определялись учредителями согласованно. Усиление роли региональных кооперационных сетей возможно при согласованном решении учредителей делегировать те или иные полномочия, использовать новые инструменты и т. д. [4]. Соответственно, эффективность функционирования региональных кооперационных сетей напрямую зависит от динамики взаимоотношений государств-учредителей, воспринимающих создаваемые в регионе международные организации, проекты и инициативы как более приемлемый по сравнению с международными организациями инструмент решения общерегиональных задач.

Отметим, что значительная часть исследований международных процессов в регионе Балтийского моря отражала попытку найти в региональных системах ответы на вызовы стремительно развивавшейся глобализации: насколько уникальна создаваемая модель региональных международных отношений и возможно ли применить опыт ее анализа к изучению других регионов? Насколько политическая динамика в регионе является отражением глобальных политических процессов? Возможно ли преодолеть региональную политическую и экономическую неоднородность путем политического проектирования (то есть созданием разнообразных кооперационных сетей и повышением роли межрегионального сотрудничества государств региона)? (см. [5–7] и др.).

Значимым направлением исследований региональной модели международных отношений стал подход, предложенный Б. Бузаном и О. Вэвером, заключавшийся в том, что наиболее важной особенностью современных региональных моделей международных отношений являются в первую очередь проблемы безопасности и приоритетность их возможных проявлений — так называемый подход «копенгагенской школы» [8; 9]. Этот исследовательский подход преодолевает рамки романтического очарования от завершения холодной войны¹, выдвигая на передний план вопрос конструирования национальной и региональной моделей безопасности, находящихся в прямой взаимозависимости. Политический процесс в целом (в том числе и международные отношения) преимущественно определяется формулировкой различными игроками угроз («секьюритизацией» политического процесса), доведением угроз до уровня экстраординарных и далее — переводом угроз в плоскость политического проектирования. Благодаря распространению такого исследователь-

¹ В этом ключе весьма любопытным материалом представляется беседа известного отечественного исследователя Д. В. Офицера-Бельского с Б. Бузаном, опубликованная в «Международных процессах»: Бузан, Б., 2012, Наука о международных отношениях — удел избранного круга государств, *Международные процессы*, т. 10, № 3, с. 73–82.

ского подхода в международных исследованиях произошло расширение понимания проблем безопасности, прежде рассматриваемой преимущественно в категориях «военной» либо «военно-политической» [10].

Отметим, что применяя указанный исследовательский подход к анализу причин девальвации ценности сотрудничества в региональных организациях Балтийского региона, особое внимание обращаем на роль Польши и стран Прибалтики, «секьюритизировавших» практически любую плоскость взаимодействия с Российской Федерацией. Этот аспект, безусловно, еще нуждается в дополнительном исследовании [11; 12]. Польша и страны Прибалтики, вступившие в ЕС в 2004 г., в поиске своей внешнеполитической роли внутри ЕС оказывали значительное влияние на секьюритизацию ряда декларируемых кооперационных макрорегиональных инициатив Европейского союза. Красноречивым примером может послужить «Восточное партнерство», которое по факту превратилось в инструмент конструирования повестки противодействия интересам России (см. ценный разбор аспектов столкновения в понимании безопасности в региональном сотрудничестве Россией и странами ЕС от ирландского исследователя К. Конерта из Школы права и государственного управления Университета Дублина [13]).

Значительный вклад в изучение проблематики роли кооперационных сетей в эволюции региональной модели международных отношений внесла активно работающая с начала 1990-х гг. группа исследователей из Калининградского университета¹, сформировавшаяся вокруг профессора Г. М. Федорова (чьи исследовательские интересы включали вопросы трансграничного сотрудничества, управления региональным развитием, территориального планирования, геополитики) [2; 14—16].

Специфической особенностью исследовательского опыта указанной группы стало изучение региона Балтийского моря сквозь призму политико-экономических интересов Российской Федерации с особым акцентом на роль Калининградской области (эксклавного региона или полуэксклавного — с учетом прямого доступа к морскому транспортному коридору). Продвигаемая лидерами исследовательской группы концепция «Калининградская область как регион сотрудничества России и ЕС» предполагала возможность использования площадки Калининградской области как точки построения кооперационных сетей для интенсификации экономических, политических, научно-образовательных и культурных связей с Европейским союзом, что позволило бы создавать новую модель международных отношений в регионе Балтийского моря, разрешавшую в том числе проблему определения стратегии социально-экономического развития Калининградской области [17]. Изучая различные аспекты региональной политики Российской Федерации и Европейского союза, исследовательская группа профессора Г. М. Федорова превратилась в один из наиболее значимых центров экспертизы в области современных международных отношений в регионе Балтийского моря.

Важные для понимания эволюции региональной модели международных отношений исследования выполнялись учеными из Санкт-Петербургского университета — К. К. Худолеем (теоретические и прикладные аспекты динамики интересов Российской Федерации, Европейского союза и НАТО), Д. А. Ланко (сравнительные исследования Прибалтийских стран и Северной Европы, политическая динамика в регионе), И. Н. Новиковой (изучение межрегионального и межмуниципального сотрудничества российских регионов со странами Северной Европы) [18—21].

¹ Калининградский государственный университет переименован в Российский государственный университет имени Иммануила Канта в 2005 г., а в 2010 г. на его базе был создан Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

Исследование динамики развития кооперационных сетей в Балтийском регионе вносит вклад в понимание современной ситуации в регионе и помогает создать подходы к формированию постконфликтной региональной повестки с учетом наработанного опыта взаимодействия, сохранившихся международных контактов между экспертами и академическим сообществом, понимания общности интересов государств вокруг Балтийского моря.

Результаты анализа опыта построения региональных кооперационных сетей

Рассмотрим наиболее значимые для целей настоящего исследования кооперационные сети в регионе Балтийского моря, отличающиеся значительной политической динамикой.

Начало 1990-х гг. сопровождалось настоящим бумом создания кооперационных сетей в регионе Балтийского моря, часть из которых транслировала глобальную повестку преодоления наследия блокового противостояния (как, например, ОБСЕ и размещенное в Варшаве Бюро по демократическим институтам и правам человека), а другая часть проектировала общерегиональную повестку, создавая новую модель международных отношений.

Воплощением концепции «региона согласия» стало создание Совета государств Балтийского моря (СГБМ), который оказал наибольшее влияние на формирование региональной модели международного сотрудничества. В марте 1992 г. на конференции министров иностранных дел стран, имеющих прямой выход к Балтийскому морю и Норвегии (которая традиционно воспринимается как страна двойной региональной принадлежности — и «северная», и «балтийская») по предложению Ханса-Дитриха Геншера и Уффе Эллеманна-Йенсена (министров иностранных дел Германии и Дании) была учреждена международная организация, чьей целью в соответствии с основополагающим документом — «Копенгагенской декларацией» — провозглашалось «согласие между странами, которое будет вести к укреплению политической и экономической стабильности, а также региональному единению». По сути, СГБМ решал задачи проектирования и построения новых кооперационных сетей для преодоления опыта блокового противостояния на основе универсальных принципов, заложенных в Уставе Организации Объединенных Наций, Хельсинском заключительном акте, Парижской хартии и других документах СБСЕ.

Совет государств Балтийского моря прошел несколько стадий поиска своей программной и организационной идентичности. Фактором, определявшим неэффективность организации в первые годы существования, стала рыхлая административная структура СГБМ и отсутствие внятного финансового механизма реализации проектов. К 2007 г. отсутствие конкретных результатов деятельности СГБМ (напомним, что параллельно происходило усиление компонента Европейского союза в национальных приоритетах стран — участниц Совета) стало девальвировать значение организации во внешнеполитических стратегиях государств региона. Важно зафиксировать, что наиболее активную роль в повышении статуса и операционной эффективности СГБМ играла Швеция, для внешней политики которой кооперационные сети в регионе были приоритетными. Возможность конструирования внешнеполитической репутации страны и политического освоения новых территорий, включившихся в кооперационные сети, способствовала получению прямых экономических эффектов — реализации выгодных инвестиционных проектов, усилению роли шведских финансово-промышленных групп в экономиках стран региона и т. д. Внесенные Швецией в 2007 г. предложения по реформированию СГБМ превращали аморфную прежде структуру в эффективный институт регионального развития с

финансовыми инструментами, усиленными полномочиями секретариата, что повысило авторитет СГБМ в центрах внешнеполитического планирования и принятия решений стран региона.

Подчеркнем, что в задуманном неконфронтационном и внеблоковом формате СГБМ свою деятельность реализовать не смог по причине нарастания политико-экономических противоречий между странами региона, что обусловило расширение присутствия НАТО в регионе и проецирование интересов «внерегionalных» игроков в региональную повестку. Кризисные события 2014 г. вокруг Украины и последовавшее обострение противоречий между Россией и странами коллективно-Запада стали причиной дрейфа СГБМ от института проектирования и развития общей региональной повестки в сторону политического форума.

Третьего марта 2022 г. министры иностранных дел всех зарубежных стран СГБМ и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности в общей декларации заявили об отстранении России от участия в работе Совета «до момента, позволяющего возобновить сотрудничество на основе фундаментальных принципов международного права»¹.

Заявление Министерства иностранных дел России о выходе Российской Федерации из Совета государств Балтийского моря было опубликовано 17 мая 2022 г. В нем подводился итог деятельности СГБМ как ключевой региональной площадки, оказавшейся под влиянием «внерегionalных» игроков: «Противоречия в работе СГБМ накапливались годами... Государства НАТО и Евросоюза в составе Совета отказались от равноправного диалога и принципов, на которых создавалась эта региональная структура на Балтике, и последовательно превращают ее в инструмент антироссийской политики»². Было принято и решение о выходе из состава Парламентской конференции Балтийского моря, представлявшей собой институт межпарламентского диалога на полях межправительственного уровня сотрудничества в СГБМ. Таким образом, из «кооперационного» характера модель сотрудничества в Совете государств Балтийского моря перешла к модели «конфликтной».

Аналогичная судьба (переход от «согласия» к «конфликту» в результате имплементации «внерегionalной» повестки) постигла и «Северное измерение» — еще одну кооперационную сеть, отличавшуюся высокой интенсивностью и эффективностью практического взаимодействия. «Северное измерение» в его версии на момент обострения мирового политического кризиса 2022 г., позиционировалось как совместная политика четырех равноправных партнеров: Европейского союза, Российской Федерации, Норвегии и Исландии. Реализация инициативы происходила в рамках так называемых тематических партнерств: природоохранного; здравоохранения и социального благополучия; культурного; транспортного.

Европейский союз, Исландия и Норвегия 8 марта 2022 г. приостановили «до дальнейшего уведомления» все сотрудничество «Северного измерения» с Россией и Беларусью. Деятельность охватывала окружающую среду, ядерную безопасность,

¹ Declaration by the Ministers of Foreign Affairs of Denmark, Estonia, Finland, Germany, Iceland, Latvia, Lithuania, Norway, Poland and Sweden and the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy on the participation by the Russian Federation and Belarus in the work of the Council of the Baltic Sea States, 03.03.2022, *Serwis Rzeczypospolitej Polskiej*, URL: <https://www.gov.pl/web/finlandia/federacja-rosyjska-zawieszona-w-pracach-radypanstw-morza-baltyckiego> (дата обращения: 28.07.2024).

² Заявление МИД России о выходе Российской Федерации из Совета государств Балтийского моря 17.05.2022 г., *Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе и Евратоме*, URL: https://russiaeu.mid.ru/ru/press-centre/news/zayavlenie_mid_rossii_o_vykhode_rossiyskoy_federatsii_iz_soveta_gosudarstv_baltiyskogo_morya (дата обращения: 28.07.2024).

здравоохранение, энергетику, транспорт, логистику, развитие торговли и инвестиций, научные исследования, образование и культуру — словом, сформировалась модельная кооперационная сеть регионального характера, имеющая финансовые инструменты, политическую поддержку и конкретные осязаемые результаты работы, в том числе по ядерной безопасности, включающей не только региональное, но и глобальное измерение.

В ответ на вызов преодоления разрыва в социально-экономическом развитии «старых» и «новых» членов Европейского союза, с целью дальнейшего политико-экономического освоения региона в интересах Европейского союза был разработан политический план и сформированы операционные инструменты его реализации в виде «Стратегии ЕС для региона Балтийского моря» (СЕСРБМ)¹. Отметим, что СЕСРБМ стала первой макрорегиональной стратегией Европейского союза, по образцу которой были созданы стратегии для Дунайского (EUSDR, 2010), Адриатического и Ионического (EUSAIR, 2014), а также Альпийского региона (EUSALP, 2015).

Позиция вступивших в 2004 г. в Европейский союз Польши, Литвы², Латвии и Эстонии при разработке СЕСРБМ заключалась в максимальном усилении влияния Европейской комиссии (и стран ЕС в целом) в Балтийском регионе — очевидно, как противовес набирающей экономическую мощь и политический вес России. Продвигая логику превращения Балтики в ареал преимущественных интересов ЕС (так называемая концепция внутреннего моря Европейского союза), разработчики предполагали «зонтичный» характер Стратегии по отношению к национальным операторам кооперационных сетей в регионе [22], рассматривая Стратегию как единую рамку выстраивания взаимодействия со странами-партнерами, не входящими в Европейский союз, — Россией, Исландией, Беларусью и Норвегией. Политическую поддержку разработки СЕСРБМ оказывал и шведско-датский «Балтийский форум развития» («Балтийский Давос») — ключевой региональный проект, направленный на политико-деловую элиту и общественных лидеров Балтийского региона.

Польша, Латвия, Литва и Эстония реализовали логику интеграции национальных политик в регионе с приоритетами Европейского союза. К примеру, СЕСРБМ предполагала выработку единого для стран ЕС подхода к пространственному морскому планированию в рамках Совместной группы ХЕЛКОМ / ВАСАБ, которая была учреждена как инструмент согласования интересов для всех стран Балтийского региона, включая Россию (к слову, Рабочая группа по пространственному морскому планированию была создана на министерской встрече в Москве в 2010 г., а российское присутствие в экспертных и рабочих органах Рабочей группы было значительным).

На практике Совместная группа ХЕЛКОМ / ВАСАБ обеспечивает статусную и организационную поддержку проектам Европейского союза по морскому пространственному планированию (Plan Bothnia, BaltSeaPlan, PartiSEApate и Baltic SCOPE) [23]. Фактически это означает, что таким образом реализация упомянутых проектов соответствует логике продвижения концепции «Балтийское море — внутреннее море Европейского союза». К примеру, в проекте Plan Bothnia ответственным исполнителем (получателем средств Европейского союза) стал секретариат ХЕЛКОМ,

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region, 2009, *EU Strategy for the Baltic Sea Region*, URL: https://eusbsr.eu/wp-content/uploads/2009_commission-communication-on-eusbsr.pdf (дата обращения: 28.07.2024).

² О Стратегии Балтийского моря, Резолюция Сейма Литовской Республики, 19.04.2007, *Lietuvos Respublikos Seimas*, URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=fhhu5ml-1c&documentId=TAIS.295996&category=TAD> (дата обращения: 28.07.2024).

а ключевым партнером проекта — секретариат ВАСАБ, при том, что основным содержанием проекта стала задача отработки принципов координации совместной политики в сфере морского пространственного планирования между двумя странами — членами ЕС (Швецией и Финляндией). Такое положение дел стало возможным благодаря доступности финансирования из специализированных фондов Европейского союза для организации работы по выгодным и желательным для СЕСРБМ темам. ХЕЛКОМ и ВАСАБ, бывшие деятельными созидательными игроками, формирующими политические задачи для стран региона, превратились в проектные офисы, обслуживающие «Стратегию ЕС для региона Балтийского моря».

Роль СЕСРБМ наиболее выпукло прослеживается во взаимосвязи с девальвацией ценности сотрудничества в формате СГБМ для стран — членов ЕС [24]. Дело в том, что одним из организационно-управленческих принципов СЕСРБМ стало отсутствие собственного финансирования «внутри» программы, а проекты и инициативы, спроектированные как часть СЕСРБМ, получили возможность привлекать финансирование из уже одобренных Брюсселем бюджетных линий в Европейском социальном фонде (ESF), Европейском фонде регионального развития (ERDF), Фонде сплочения (Cohesion Fund), Европейском сельскохозяйственном фонде развития сельских территорий (EAFRD) и др. Кроме того, источником финансирования становились и такие программы, как Horizon 2020, BONUS, the LIFE Programme, Interreg Baltic Sea Region Programme. Такое решение определило приоритетность формирования новых кооперационных проектов в масштабах всего региона, исключая (либо предполагая весьма ограниченное участие) страны, не входящие в Европейский союз, — Россию, Исландию, Беларусь и Норвегию.

Принятие «Стратегии ЕС для региона Балтийского моря» в качестве руководящего документа политики Европейского союза в целом и стран — участниц ЕС стало фактором, прямо противоречащим логике формировавшейся модели «региона согласия»: приоритетными для стран региона, входящих в ЕС, стали именно рамки и механизмы сотрудничества Европейского союза, исключаящие Россию, хотя и оговаривавшие особые форматы реализации совместной региональной повестки.

В отличие от разработанных на рубеже веков политических форматов сотрудничества эффективными и устойчивыми оказались конкретные практики взаимодействия в рамках подписанных в 1973 г. «Конвенции о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и Бельтах» (Гданьская конвенция)¹ и в 1974 г. «Конвенции по охране морской среды района Балтийского моря» (Хельсинкская конвенция)². В связи с двумя региональными волнами расширения Европейского союза (приоритеты стран в регионе синхронизировались, повышалась степень влияния решений ЕС на национальные политики) возникла необходимость уточнения принципов сохранения и долгосрочной устойчивой эксплуатации рыбных запасов и управления ими в Балтийском море между Россией и ЕС. С 1 января 2007 г. применение Гданьской конвенции было прекращено, новое Соглашение между ЕС и Россией³ было разработано с опорой на логику и принципы Конвенции 1974 г.

¹ Конвенция о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и Бельтах (Гданьская конвенция), *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901772> (дата обращения: 28.07.2024).

² Конвенции по охране морской среды района Балтийского моря (Хельсинкская конвенция). Хельсинки, *HELKOM*, URL: https://helcom.fi/wp-content/uploads/2019/10/1974_Convention.pdf (дата обращения: 28.07.2024).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области рыболовства и сохранения живых морских ресурсов в Балтийском море от 28.04.2009 г., *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/902182268> (дата обращения: 28.07.2024).

Объясняя опыт успешного сотрудничества стран региона вокруг проблематики живых морских ресурсов, надо исходить из объективного факта: живые морские ресурсы Балтийского моря состоят из трансграничных запасов, совершающих миграции между исключительными экономическими зонами. Эффективное сохранение и устойчивая эксплуатация живых морских ресурсов могут осуществляться только посредством сотрудничества в сфере управления промыслом, а также в сфере контроля и обеспечения соблюдения мер по управлению промыслом.

Анализ кооперационных сетей, оказывавших значительное влияние на формирование модели региональных международных отношений, не может быть полным без упоминания феномена «балтийского университетского сотрудничества» [25], выражавшегося в реализации программы «Балтийский университет» (BUP), ставшей одной из наиболее заметных в мире региональных университетских сетей. В свою очередь, по инициативе Университета г. Турку для обсуждения вопросов академического сотрудничества между руководителями университетов была создана «Сеть университетов Балтийского региона» (BSRUN), которая в том числе обеспечивала и возможность взаимодействия профильных органов государственного управления научно-образовательной повесткой. Необходимо упомянуть, что образовательное и научно-исследовательское сотрудничество в регионе также находилось в поле интересов таких общественно-государственных проектов, как «Триалог» (действовавшего с 2010 по 2014 г. под эгидой министров иностранных дел России, Германии и Польши), а также профильной комиссии российско-германского форума «Петербургский диалог».

В 1991 г. по инициативе Уппсальского университета при поддержке шведского правительства был запущен образовательный проект «Программа «Балтийский университет», основанный на использовании новаторской в то время модели дистанционного обучения (часть курсов транслировалась в онлайн-режиме через спутниковый телевизионный канал, часть занятий распространялась на видеокассетах, а контрольно-измерительные и дополнительные материалы в распечатанном виде доставлялись из Швеции в университеты, принимавшие участие в реализации Программы). Тематически Программа была сосредоточена на общей региональной повестке: проблемы устойчивого развития, различные аспекты защиты окружающей среды, а также находящаяся на пике популярности тематика демократического транзита и демократического развития в государствах бывшего социалистического лагеря. В период своего расцвета (2002—2012) «Программа «Балтийский университет» включала в себя более чем 220 университетов и иных учреждений высшего образования из 12 стран: Беларуси, Эстонии, Финляндии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, России, Швеции, Чехии, Словакии, Украины (обратим внимание на использовавшийся чисто географический критерий региональной принадлежности — расположение партнерского университета на территории водосборного бассейна Балтики).

На смысловом уровне Программа находилась в фарватере усилий правительства и бизнес-кругов Швеции по построению новой версии «шведского века», предполагавшего политическое и экономическое освоение территорий Юго-Восточной Балтики для формирования зоны своих исключительных интересов. Приоритетом работы Программы в масштабах региона стало конструирование кооперационной сети с исключительно «региональной» повесткой, имеющей амбиции к формированию единого научно-образовательного пространства вокруг «шведского ядра», оказывающей влияние на органы государственной власти и динамику региональной модели международных отношений. В декабре 2009 г. программа «Балтийский уни-

верситет» была утверждена в качестве стратегического партнера Совета государств Балтийского моря, что резко повышало статус центра программы — Упсальского университета — и его лидеров.

Ключевыми ресурсами Программы стал сформированный банк онлайн-курсов по различным аспектам развития Балтийского региона, специализированная онлайн-библиотека по широко понимаемым «балтийским исследованиям» и сеть преподавателей и экспертов, продвигающих тематику Программы в своих университетах [26]. Классическая кооперационная сеть с «внутрирегиональной» повесткой оказалась неустойчивой к кризисным проявлениям в мировой политической системе: после событий начала 2022 г. Программа официально присоединилась к позиции шведского правительства по так называемому украинскому вопросу и свернула сотрудничество с университетами России и Беларуси.

Прогнозирование постконфликтной региональной повестки. Выводы

Между странами, принадлежащими к еще недавно противоборствующим военно-политическим блокам, в начале последнего десятилетия XX в. возникла ситуация интенсивного бесконфликтного взаимодействия. Фактически отсутствовали территориальные споры, создавались и эффективно работали региональные организации и объединения [27], появились региональные программы экономического и культурно-образовательного сотрудничества, в которых активно участвовали субъекты Российской Федерации — Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области. В Финляндии и Эстонии эффективно работали информационно-деловые центры Санкт-Петербурга, опыт которых предполагалось использовать при проектировании взаимовыгодного сотрудничества в других странах региона [20].

Небывалый масштаб реализованных торгово-экономических и инфраструктурных проектов между Россией и странами Европейского союза, равно как и последовательное расширение возможностей для внутрирегиональной мобильности и туризма, позволяли исследователям формулировать весьма оптимистичные прогнозы по развитию Балтийского региона в логике «региона согласия». В Балтийском регионе шанс действительно эффективно спроектировать и реализовать уникальную региональную систему был не использован, а модель «региона согласия» была замещена моделью «прохладной войны» — именно таким термином К. К. Худoley описывал специфику региональной модели международных отношений, сформировавшуюся после обострения противоречий между Россией и странами коллективного Запада [19].

Польша, Германия и страны Прибалтики именно в Европейском союзе видели ключевого модератора политико-экономической повестки в регионе Балтийского моря (что впоследствии выразилось в «Стратегии ЕС в регионе»), а в Северо-Атлантическом альянсе (при параллельном укреплении двустороннего военно-политического сотрудничества с США) — фундамент собственной безопасности и региональной безопасности в целом [28; 29]. «Финская дилемма безопасности» (подробнее см. в исследовании К. Худoley и Д. Ланко [18]) заключалась в стремлении оставаться в стороне от возможных военных конфликтов при укреплении своей безопасности путем прямого интенсивного сотрудничества со странами НАТО. Развивавшееся в двустороннем формате взаимодействие Финляндии и Швеции со странами НАТО по факту подготовило вступление Швеции и Финляндии в Альянс [30], что зафиксировало окончательный демонтаж концепции «региона согласия». Набирающие интенсивность региональные политико-дипломатические и военно-

политические процессы с этого момента описываются исключительно в категориях конфликта: так утверждался современный этап международных отношений в Балтийском регионе в виде модели «регион конфликта».

Несмотря на интенсивные процессы глобализации, на значительное увеличение количества региональных игроков, развитие кооперационных сетей, опыт активного межмуниципального (межрегионального) сотрудничества, ключевыми для динамики региональной системы оставались именно межгосударственные отношения. Именно межгосударственные противоречия, в том числе и спроецированные на региональную повестку «внерегиональные» проблемы (эрозия гегемонистской модели мировой политики, конфликт на линии «НАТО — Российская Федерация» и острая фаза этого конфликта — кризис вокруг Украины), а также интересы «внерегиональных» игроков (США, Франции, НАТО и Европейского союза), стали ключевыми факторами демонтажа модели «региона согласия» и формирования модели «региона конфликта».

Показательным примером расширения военно-политического и экономического интересов «внерегиональных» игроков в регионе Балтийского моря стала Франция, чьим главным ориентиром «служит стремление участвовать в делах региона не столько в качестве принципиально нового игрока, готового предложить какое-либо оригинальное видение и на этой основе возродить отношения с Москвой, сколько как дисциплинированного члена НАТО, намеренного укреплять общий потенциал» [31, с. 13].

По меткому наблюдению К. К. Худолея, описывающего неравномерность демонтажа системы международных отношений времен холодной войны в регионе в категориях «прохладной войны», отличающейся различной интенсивностью в регионах столкновения (пересечения) интересов, в образовавшемся вакууме правил игры вызревают новые, не всегда становящиеся общепринятыми и общепризнанными практики и правила поведения игроков в системе международных отношений [19]. Такая ситуация, как отмечает К. Худoley, увеличивает вероятность (но не делает неизбежными) реализацию конфликтного сценария в регионе Балтийского моря. Но эти же условия создают новые, возникающие из уникальных ситуативных конфигураций возможности для преодоления конфликтов. Совершенно определенно, что интенсивность конфликта в регионе Балтийского моря регулируется «внерегиональной» повесткой и интересами «внерегиональных» игроков»: именно постконфликтные договоренности России с «внерегиональными» игроками станут ключевым фактором, определяющим модель международных отношений на Балтике.

Каждый конфликт заканчивается. Уже сейчас представляется необходимым искать конструктивную постконфликтную региональную повестку для кооперационных сетей. Научно-экспертное сообщество и академические центры России и зарубежных стран Балтийского региона уже сейчас, во время высокой интенсивности конфликта в региональной модели международных отношений должны быть готовы к формированию предложений по политическому проектированию преодоления модели «региона конфликта» и деятельному участию во взаимной одновременной десекьюритизации национальных дискурсов. Нарботанный опыт научно-академического сотрудничества и по линии международных программ, и по линии прямого сотрудничества университетов, исследовательских центров и экспертно-аналитических структур даже в эпоху конфликта имеет шанс быть востребованным.

В новой посткризисной системе международных отношений необходимо четко определиться с целеполаганием и практическим результатом «региональной» повестки Совета государств Балтийского моря, «Северного измерения», ВАСАБ и ХЕЛКОМ: важнейшим вызовом станет преодоление выхолащивания сотрудничества между государствами при деполитизации и десекьюритизации (в так актуальном сейчас понимании Б. Бузана и О. Вэвера) двусторонней проблематики

и внутривосточной повестки в странах региона. Это означает, что построение (восстановление, новое проектирование) устойчивых кооперационных связей будет возможно только при очевидной результативности и взаимной выгоде взаимодействия: общий дискурс восстановления добрососедства и использования опыта кооперации должен будет подкрепляться конкретными межгосударственными проектами, предметом которых станут общие вопросы для всего Балтийского региона: разрешение экологических проблем и природоохранная проблематика в целом, промысел и воспроизводство живых ресурсов Балтийского моря, сохранение общего историко-культурного наследия (в кооперационном контексте), развитие научно-образовательного сотрудничества на площадках региональных университетов с особым акцентом на изучение культуры и языка непосредственных соседей.

Представляется, что среди кооперационных сетей именно «Северное измерение» имеет наибольший потенциал восстановления взаимодействия в период формирования постконфликтной региональной модели международных отношений по причинам наличия разнообразной неполитической повестки, результативного опыта сотрудничества с Россией, сохранившихся личных контактов участников экспертных групп. Возобновление сотрудничества в рамках Совета государств Балтийского моря в постконфликтную эпоху могло бы опираться на российские предложения 2020 г. по комплексу мер для его укрепления, включая предложение о разработке нового стратегического документа, который определил бы цели и задачи взаимодействия России с остальными странами СГБМ до 2030 г.¹

Учитывая накопленный во всех странах региона опыт построения кооперационных сетей, сохранивших прямые связи участников политических, академических и общественных проектов и инициатив двустороннего и многостороннего характера, наличие общих интересов государств в сфере экологии и экономики, можно предположить, что исследователи смогут описывать постконфликтную модель международных отношений в регионе Балтийского моря не в категориях противостояния и «прохладной войны», а кооперации и «прохладного мира».

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, №1, с. 141–158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
2. Федоров, Г. М., Зотов, С. Ю., Кузнецова, Т. Ю., Часовский, В. И. 2016, Балтийский регион: состав территории и внутренняя структура, *Региональные исследования*, № 2, с. 113–121. EDN: WHTRIV
3. Воскресенский, А. Д. 2012, Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях, *Сравнительная политика*, т. 3, № 2, с. 30–58, [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58)
4. Koagne Zouapet, A. 2024, States and Regional International Organizations, *International Organizations Law Review*, vol. 21, № 1, p. 147–167, <https://doi.org/10.1163/15723747-21010008>

¹ Выступление и ответы на вопросы главы МИД России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Совета государств Балтийского моря, 21.05.2020, *Министерство иностранных дел Российской Федерации*, URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1433275 (дата обращения: 17.10.2024).

5. DeBardeleben, J., Nechiporuk, D. 2018, Diverging views of EU-Russian borders: points of congruence and difference in EU and Russian analyses, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 27, № 2, p. 196—207, <https://doi.org/10.1080/14782804.2018.1534727>
6. Joenniemi, P. (ed.). 1993, *Cooperation in the Baltic Sea Region*, London, Taylor & Francis.
7. Christiansen, T. A. 1997, European Meso-Region? European Union Perspectives on the Baltic Sea Region, in: Joenniemi, P. (ed.), *Neo-Nationalism or Regionality. The restructuring of Political Space Around the Baltic Rim*, NordREFO: Nordiskt Institut för Regionalpolitisk Forskning, Stockholm, p. 254—292.
8. Buzan, B., Wæver, O., Wilde, J. de. 1998, *Security: a New Framework for Analysis*, Boulder, London, Lynnie Rienner.
9. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press.
10. Tassinari, F. 2005, The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood, *Journal of Baltic Studies*, vol. 36, № 4, p. 387—407, <https://doi.org/10.1080/01629770500000171>
11. Rokiciński, J. 2006, Zagrożenia asymetryczne w regionie bałtyckim, Bel Studio, Warszawa.
12. Szubrycht, T. 2010, Bałtyckie wymiary bezpieczeństwa, Akademia Marynarki Wojennej, Gdynia.
13. Kaunert, C., de Deus Pereira, J. 2023, EU Eastern Partnership, Ontological Security and EU-Ukraine/Russian warfare, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, № 4, p. 1135—1146, <https://doi.org/10.1080/14782804.2023.2183182>
14. Федоров, Г. М., Корнеевец, В. С. 2015, Социально-экономическая типологизация при-морских регионов России, *Балтийский регион*, № 4, с. 121—134, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-7>
15. Межевич, Н. М., Кретинин, Г. В., Федоров, Г. М. 2016, К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 8, № 3, с. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-1>
16. Федоров, Г. М. 2018, Российская Федерация в Балтийском регионе: политические отношения и экономическое развитие в 1992—2017 гг., *Полис. Политические исследования*, № 3, с. 30—41, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.03>
17. Хлопецкий, А. П., Федоров, Г. М. 2000, Калининградская область: регион сотрудничества : монография, Калининград, Изд-во Янтарный сказ.
18. Худoley, К. К., Ланко, Д. А. 2019, Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
19. Худoley, К. К. 2020, Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? , *Россия в глобальной политике*, т. 18, № 6 (106), с. 10—22. EDN: XOTGBL
20. Новикова, И. Н., Попов, Д. И. 2021, Внешнеэкономическое сотрудничество Санкт-Петербурга с Данией в XXI веке: основные тенденции, проблемы и перспективы, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 14, № 1, с. 41—70, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.103>
21. Попов, Д. И., Новикова, И. Н. 2023, Внешнеэкономические связи Санкт-Петербурга и Финляндии в период пандемии COVID-19: вызовы и перспективы, *Россия в глобальном мире*, т. 26, № 2, с. 48—64, <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.2.4>
22. Gänzle, S. 2017, Macro-regional strategies of the European Union, Russia and multilevel governance in northern Europe, *Journal of Baltic Studies*, vol. 48, № 4, p. 397—406, <https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305201>
23. Пальмовский, Т., Тарковский, М. 2018, Сотрудничество стран региона Балтийского моря в области морского пространственного планирования, *Балтийский регион*, т. 10, № 2, с. 100—113, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-7>
24. Chilla, T., Gänzle, S., Sielker, F., Stead, D. 2017, Macro-regional strategies of the European Union: a new research agenda, in: Trondal, J. (ed.), *The Rise of Common Political Order*, Edward Elgar Publishing, <https://doi.org/10.4337/9781786435002.00015>
25. Aaviksoo, J. 2002, University Co-operation in the Baltic Sea Region, in: Henningsen, B. (ed.), *Towards a Knowledgebased Society in the Baltic Sea Region*, Berlin, p. 75—79.

26. Musiał, K. 2002, *Education, research and the Baltic Sea Region Building*, in: Musiał, K. (ed.), *Approaching Knowledge Society in the Baltic Sea Region*, Gdansk, Berlin, p. 42—60.

27. Gänzle, S., Kern, K., Tynkkynen, N. 2022, *Governing the Baltic Sea Region at critical junctures (1991—2021): How do transnational and intergovernmental organizations cope with external regional change?*, *Journal of Baltic Studies*, vol. 54, № 3, p. 421—442, <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2140356>

28. Piirimäe, K. 2024, *A nearly perfect marathon: the United States and the Baltic states' accession to NATO*, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 651—669, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2370586>

29. Linsenmaier, T. 2024, *The United States and the entry of the Baltic states into international society: insights from the case of Estonia*, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 631—649, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2361096>

30. Смирнов, П. Е. 2023, *Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе*, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 42—61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>

31. Чихачев, А. Ю. 2023, *Стратегия Франции в регионе Балтийского моря: военно-политические аспекты*, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

Об авторе

Игорь Игоревич Жуковский, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН, Россия.

E-mail: igor@izhukovski.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE MODEL OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE BALTIC SEA REGION: POLITICAL SHIFTS AND CURRENT CHALLENGES

I. I. Zhukovsky

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 04 September 2024

Accepted 25 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-7

© Zhukovsky, I. I., 2024

The demise of the USSR and the revision of the Yalta-Potsdam system of international relations led to tectonic changes in the Baltic Sea region: it became apparent that the northern flank, once the most likely battleground between the North Atlantic Alliance and the Warsaw Pact, had a historical opportunity to transform into a region of intensive political, economic, educational and cultural interaction. Under these circumstances, the construction of a new

To cite this article: To cite this article: Zhukovsky, I. I., 2024, The model of international relations in the Baltic Sea region: political shifts and current challenges, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 145—160. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-7

regional system of international relations unfolded at the turn of the 20th and 21st centuries. This article examines the evolution of the regional model of international relations, from a 'cohesion region' to a modern 'conflict region', through the analysis of the dynamics of regional cooperation networks amidst the crisis in the international system and politics. The study builds on the tradition of historical and political analysis of regions as agents in the international relations system, drawing on relevant documents and materials from international organisations, foreign ministries and other authorities of the Baltic Sea region states. The final part of the research emphasises the need for experts to search for a post-conflict regional agenda, with some proposals outlined.

Keywords:

Russia, Baltic Sea region, NATO, European Union, regional networks, political dynamics

References

1. Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
2. Fedorov, G.M., Zotov, S. Yu., Kuznetsova, T. Yu., Chasovsky, V.I. 2016, Baltic Region: its composition and inner structure, *Regional Studies*, №2, p. 113—121. EDN: WHTRIV (in Russ.).
3. Voskressenski, A. D. 2012, Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary IR, *Comparative Politics Russia*, vol. 3, №2, p. 30—58, [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58) (in Russ.).
4. Koagne Zouapet, A. 2024, States and Regional International Organizations, *International Organizations Law Review*, vol. 21, №1, p. 147—167, <https://doi.org/10.1163/15723747-21010008>
5. DeBardeleben, J., Nechiporuk, D. 2018, Diverging views of EU-Russian borders: points of congruence and difference in EU and Russian analyses, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 27, №2, p. 196—207, <https://doi.org/10.1080/14782804.2018.1534727>
6. Joenniemi, P. (ed.). 1993, *Cooperation in the Baltic Sea Region*, London, Taylor & Francis.
7. Christiansen, T. A. 1997, European Meso-Region? European Union Perspectives on the Baltic Sea Region, in: Joenniemi, P. (ed.), *Neo-Nationalism or Regionality. The restructuring of Political Space Around the Baltic Rim*, NordREFO: Nordiskt Institut för Regionalpolitisk Forskning, Stockholm, p. 254—292.
8. Buzan, B., Wæver, O., Wilde, J. de. 1998, *Security: a New Framework for Analysis*, Boulder, London, Lynnie Rienner.
9. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press.
10. Tassinari, F. 2005, The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood, *Journal of Baltic Studies*, vol. 36, №4, p. 387—407, <https://doi.org/10.1080/01629770500000171>
11. Rokiciński, J. 2006, Zagrożenia asymetryczne w regionie bałtyckim, Bel Studio, Warszawa.
12. Szubrycht, T. 2010, Bałtyckie wymiary bezpieczeństwa, Akademia Marynarki Wojennej, Gdynia.
13. Kaunert, C., de Deus Pereira, J. 2023, EU Eastern Partnership, Ontological Security and EU-Ukraine/Russian warfare, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, №4, p. 1135—1146, <https://doi.org/10.1080/14782804.2023.2183182>
14. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Baltic Region*, №4, p. 121—134, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-7>
15. Mezhevich, N.M., Kretinin, G.V., Fedorov, G.M. 2016, Economic and geographical structure of the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 8, №3, p. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-1>
16. Fedorov, G.M. 2018, Russian Federation in the Baltic Region: Political Relations and Economic Development in 1992—2017, *Polis. Political Studies*, №3, p. 30—41, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.03> (in Russ.).

17. Chlopetskiy, A. P., Fedorov, G. M. 2000, Kaliningrad Region: Region of Cooperation, Kaliningrad, Yantarny Skaz Publishing House (in Russ.).
18. Khudoley, K. K., Lanko, D. A. 2019, Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe, *MEMO Journal*, vol. 63, № 3, p. 13–20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
19. Khudoley, K. K. 2020, Russia and the west: second cold war or first cool war?, *Russia in Global Affairs*, vol. 18, № 6 (106), p. 10–22. EDN: XOTGBL (in Russ.).
20. Novikova, I., Popov, D. 2021, Foreign economic cooperation between St. Petersburg and Denmark in the 21st century: Main trends, problems, prospects, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, № 1, p. 41–70, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.103> (in Russ.).
21. Popov, D. I., Novikova, I. N. 2023, The Foreign Economic Relations of St. Petersburg and Finland During the COVID-19 Pandemic: Challenges and Prospects, Russia in the Global World, vol. 26, № 2, p. 48–64, <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.2.4> (in Russ.).
22. Gänzle, S. 2017, Macro-regional strategies of the European Union, Russia and multilevel governance in northern Europe, *Journal of Baltic Studies*, vol. 48, № 4, p. 397–406, <https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305201>
23. Palmowski, T. T., Tarkowski, M. M. 2018. Baltic cooperation in marine spatial planning, *Baltic Region*, vol. 10, № 2, p. 100–113, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-7>
24. Chilla, T., Gänzle, S., Sielker, F., Stead, D. 2017, Macro-regional strategies of the European Union: a new research agenda, in: Trondal, J. (ed.), *The Rise of Common Political Order*, Edward Elgar Publishing, <https://doi.org/10.4337/9781786435002.00015>
25. Aaviksoo, J. 2002, University Co-operation in the Baltic Sea Region, in: Henningsen, B. (ed.), *Towards a Knowledgebased Society in the Baltic Sea Region*, Berlin, p. 75–79.
26. Musiał, K., 2002, *Education, research and the Baltic Sea Region Building*, in: Musiał, K. (ed.), *Approaching Knowledge Society in the Baltic Sea Region*. Gdansk, Berlin, p. 42–60.
27. Gänzle, S., Kern, K., Tynkkynen, N. 2022, Governing the Baltic Sea Region at critical junctures (1991–2021): How do transnational and intergovernmental organizations cope with external regional change? *Journal of Baltic Studies*, vol. 54, № 3, p. 421–442, <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2140356>
28. Piirimäe, K. 2024, A nearly perfect marathon: the United States and the Baltic states' accession to NATO, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 651–669, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2370586>
29. Linsenmaier, T. 2024, The United States and the entry of the Baltic states into international society: insights from the case of Estonia, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 631–649, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2361096>
30. Smirnov, P. Ye. 2023, The accession of Finland and Sweden to NATO: geopolitical implications for Russia's position in the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 42–61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
31. Chikhachev, A. Yu. 2023. France's strategy in the Baltic region: military and political aspects, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 4–17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

The author

Dr Igor I. Zhukovsky, Associate Professor, Senior Research Fellow, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: igor@izhukovski.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

